

ИНТРОСПЕКЦИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ И В ЯЗЫКЕ

© 2015 г. Мария Кирилловна Тимофеева

Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН, Новосибирск, 630090, Россия;
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, 630090, Россия
timof@math.nsc.ru

Рассматриваются разные варианты обращения к интроспекции в ограниченной области: знании и использовании языка, его исследовании в лингвистике. Обосновываются две позиции: неизбежность и значимость интроспекции в указанной области; важность лингвистического исследования интроспекции как составляющей языка (вне зависимости от признания или непризнания достоверности интроспекции как метода научного исследования). В указанной области обращения к интроспекции часто считаются естественными и явно не упоминаются среди предположений, постулатов, методов или источников языковых данных. Поэтому в статье рассмотрены не только явные, но и неявные варианты использования интроспекции. Учен также тот факт, что в лингвистике не проводятся четкие различия между интроспекцией и «языковым чутьем», «лингвистическим чутьем», «самонаблюдением», «языковой интуицией».

Ключевые слова: интроспекция, языковое чутье, языковая интуиция, самонаблюдение, психологизм в языкознании, методы лингвистики, объекты языковой интроспекции, интроспективные языковые данные, интроспекция как объект лингвистики.

INTROSPECTION IN LANGUAGE AND LINGUISTICS

Mariya K. Timofeeva

Sobolev Institute of Mathematics, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 630090, Russia; Novosibirsk State University, Novosibirsk, 630090, Russia
timof@math.nsc.ru

Different lines of applying or treating introspection in the following limited area are considered: knowledge and usage of language, its investigating in linguistics. Two main positions are advocated: inevitability and significance of introspection for the indicated area; importance of linguistic study of introspection as a constituent of language (regardless of whether introspection is deemed a reliable scientific method or not). In the indicated area, linguists and language users often deal with introspection as a natural capacity, and do not explicitly introduce it among postulates, assumptions, methods, or language data sources. Therefore, the paper considers not only explicit, but also implicit applications of introspection. Linguistics does not formulate any clear differences between introspection and «linguistic feeling», «language feeling», «self-observation», «linguistic intuition». This fact is also taken into account.

Keywords: introspection, linguistic feeling, language feeling, self-observation, linguistic intuition, psychologism in linguistics, linguistic methods, objects of linguistic introspection, introspective linguistic data, introspection as an object of linguistics

Введение

Современная лингвистика имеет не вполне четкие границы, особенно в междисциплинарных областях. Кроме того, между дисциплинами, занимающимися исследованиями языка (прежде всего лингвистикой, логикой, психологией, философией), исторически сложилось определенное распределение интересов по отношению к языку, и оно во многом традиционно сохраняется. Например, формальной семантикой занимаются преимущественно логики, а внутренней речью — преимущественно психологи.

Будем понимать под термином «лингвистика» области, признаваемые современным сообществом профессиональных лингвистов частями лингвистики. Учитывая сложность отграничения лингвистики от других направлений познания, в сферу внимания которых попадает язык, более четко очертить ее границы вряд ли возможно.

В лингвистике интроспекцию можно рассматривать двояко: как метод исследования и как объект исследования. Во втором случае интроспекция считается одной из составляющих языка и является объектом изучения именно в этом качестве.

Традиция отношения к интроспекции как к одному из базовых методов лингвистики в настоящее время подвергается критике как «изнутри», так и «извне». «Изнутри» против применения интроспекции выступают, например, многие когнитивные лингвисты, руководствующиеся естественнонаучными принципами исследования и, следовательно, стремлением минимизировать субъективность. «Извне» с той же целью заменяют лингвистические понятия их статистическими аппроксимациями разработчики компьютерных средств обработки текстов и моделирования различных аспектов языкового поведения человека.

Ранее сомнения относительно допустимости интроспекции как метода высказывали структуралисты, прежде всего представители дескриптивной лингвистики, воспринявшие бихевиористские принципы исследования. В частности, сторонники радикального направления «методологического скептицизма» [де Мауро 2000] настаивали на том, что всякое изучение семантики субъективно и, значит, семантика не должна быть объектом исследований лингвиста. Минимизация обращений к сфере языковых значений означает минимизацию использования интроспективных данных.

Противостояние разных взглядов на интроспекцию как научный метод, присущее психологии, начиная с конца XIX в. имело отражение в лингвистике. В целом, оно не было столь резким, исключение составляют разделы, исследующие соотношение между языком, мышлением, сознанием. В этих разделах сильно влияние бихевиоризма. Здесь нет единого отношения к интроспекции, часто воспроизводятся доводы оппонентов и пропонентов интроспекции в психологии, использовавшиеся в связи с бихевиоризмом. Иллюстрацией несогласия может служить тематический сборник, специально посвященный обсуждению методологии когнитивной лингвистики: Раймонд Гиббс отстаивает преимущества бихевиористских методов по сравнению с традиционно используемой лингвистами интроспекцией и выражает озабоченность отсутствием единства лингвистов в принятии такой позиции [Gibbs 2006], а Леонард Талми убедительно демонстрирует, что интроспекция — неотъемлемая составляющая процесса использования языка, без обращения к которой ни владение языком, ни его исследование невозможны [Talmy 2006]. Негативное отношение к использованию интроспекции отражено в публикациях многих когнитивных лингвистов, например, в [Willems 2012] сопоставление интроспекции и эмпирического наблюдения как методов лингвистики однозначно приводит автора к признанию преимущества второго.

Вместе с тем, такое мнение не является общепринятым в когнитивной лингвистике. Дискуссии по поводу приемлемости метода интроспекции в большей степени характерны для зарубежных линий развития данной области. Отечественные когнитивные лингвисты, опираясь на опыт своих предшественников, традиционно отводят центральное место семантическим исследованиям, когнитивной семантике [Рахилина 1998]. Использование интроспекции здесь существенно.

Стремление к устранению интроспекции как источника субъективности может, в частности, приводить к полному отказу от лингвистических определений. В этом отношении показательно, например, исследование [Diuk et al. 2012], в котором проводится анализ вербализованной интроспекции в текстах разного времени, от библейских до современных. Интроспекция здесь является объектом, но отвергается как метод. Динамика употребительности семантической группы слов и словосочетаний, указывающих на интроспекцию, изучается посредством статистических методов. Выявление рассматриваемых слов и словосочетаний также не опирается на лингвистические знания и интроспекцию.

В традиционной лингвистике при построении такой семантической группы использовалось бы (в той или иной степени) обращение исследователей к своей интроспекции или интроспекции других носителей языка, интроспекция фигурировала бы как один из методов. В противоположность этому, в [Diuk et al. 2012] указанная семантическая группа выделяется на основе статистического анализа совместной встречаемости в текстах (проводится «латентный семантический анализ»). Результат исследования показал, что употребительность слов и словосочетаний, указывающих на интроспекцию, возрастала с течением времени. Это трактуется авторами как статистическое подтверждение гипотезы о том, что развитие интроспекции коррелирует, с одной стороны, с появлением письменности и развитием культуры, а с другой, — с определенными нейрофизиологическими изменениями головного мозга, происходившими в ходе эволюции человека.

Примечательно, что лингвистическая (семантическая) информация исключена здесь не только из процедуры исследования, но и из представления результатов: конкретные примеры слов, отнесенных к изучаемой семантической группе, не приводятся, состав этой группы остается неизвестным читателю. Тем самым лингвистическая интерпретация исследования неявно признается излишней. Некоторые примеры можно увидеть лишь в более ранней публикации авторов [Raskovsky et al. 2010], описывающей предварительное — пробное — исследование того же вопроса; в этом случае также применялись статистические методы, однако слова, имеющие отношение к интроспекции, отбирались «вручную».

Независимо от принятия / неприятия интроспекции как метода научного исследования, она является неотъемлемой составляющей использования языка. Более того, согласно ряду исследований (в частности, [Diuk et al. 2012]), на протяжении истории прослеживается тенденция к возрастанию обращений к интроспекции. Однако дискуссии по поводу приемлемости интроспекции как метода подавляют ее исследование как объекта. Такая ситуация, по-видимому, характерна не только для лингвистики.

Как отмечается в [Dehaene 2013], негативное отношение к интроспекции долго сохранялось в когнитивной науке, и происходило это в результате смещения интроспекции как исследовательского метода и интроспекции как источника сырых данных внутреннего восприятия, подлежащих научному изучению и объяснению вне зависимости от оценок их достоверности. Хотя результат интроспекции доступен только тому человеку, который ее испытывает, этот человек достаточно устойчив в своих интроспективных восприятиях (даже если они неадекватны или необычны с позиции окружающих). Именно этот факт обуславливает ту воспроизводимость эксперимента, которая позволяет интроспекции стать объектом научного исследования. Однако на осознание этого факта ушло много времени [Ibid.].

Устойчивость и воспроизводимость интроспективных данных можно проиллюстрировать следующим примером из рассказа Александра Грина «Фанданго»¹.

- (1) *Это фантомы, фантомы! <...> Мы одержимы галлюцинацией или угорели от жаркой железной печки! Нет этих испанцев! Нет покрывала! Нет плащей и горностаев! Нет ничего, никаких фигей-миглей! Вижу, но отрицаю! Слышу, но отвергаю! Опомнитесь! Ущипните себя, граждане! Я сам ущипнусь!*

Здесь говорящий отказывает в достоверности интроспективным данным своего зрительного и слухового восприятия. Возможно, наблюдаемая им сцена действительно нереальна, является галлюцинацией или мистификацией. Однако как бы ни был говорящий убежден в нереальности ситуации, это не влияет на интроспекцию: он не в силах ликвидировать интроспективные данные своего восприятия путем словесного их отрицания; он все равно видит то, что видит, и слышит то, что слышит. Неустрашимость интроспективных данных

¹ Грин А. С. Фанданго // Грин А. С. Алые паруса. Романы. Рассказы. М.: Эксмо, 2014. С. 765—825.

² Здесь и далее в цитатах из «Фанданго» разрядка А. Грина.

органов чувств (вне зависимости от мнений субъекта восприятия и других людей) делает результаты научного исследования таких данных, полученные в определенном типе экспериментальных ситуаций, воспроизводимыми.

С начала 2000-х гг. было проведено немало экспериментальных эмпирических исследований интроспекции. Одним из существенных результатов явилась гипотеза, сформулированная в [Fleming et al. 2010], согласно которой способность к интроспекции имеет определенный нейрофизиологический коррелят, степень развитости которого сопряжена с индивидуальной способностью к интроспекции.

Чрезмерная сосредоточенность на недостатках интроспекции как метода, по-видимому, не единственная причина того, что в большей части областей лингвистики интроспекция не относится к числу активно обсуждаемых тем. Метод интроспекции издавна применяются при исследовании языка, не подвергая принципиальным сомнениям, как нечто само собою разумеющееся, часто не перечисляя в списке использованных методов. Хотя интроспекция присутствует в приобретении и использовании навыков владения грамматикой и языковыми стилями, осуществления синонимических преобразований, построения связной речи и т. д., самой ей, как таковой, при обучении языку специально не учат. Интроспекция очень редко становится самостоятельным объектом внимания лингвистов. В отличие от приставок, суффиксов, предложений, интонации, мимики и т. п., она незрима и неслышима для собеседника. У нее нет воспринимаемых при коммуникации материальных носителей. Тем не менее, ее всеохватывающее присутствие и роль в языке дают возможность менее прагматично ориентированным исследователям сосредоточивать именно на ней свое внимание, создавая теории языка, которые на этом основании можно называть интроспективными.

Исходя из приведенной характеристики возможных отношений к интроспекции, далее рассматриваются следующие вопросы. В разделах 1 и 2 представлены соответственно варианты интроспекции и примеры ее использования. В разделе 3 кратко характеризуется классификация типов интроспекции, предложенная Л. Талми. Как уже говорилось, очень часто носители языка и лингвисты обращаются к интроспекции неявно, но затем используют полученные интроспективные данные в рассуждении в качестве языкового факта или аргумента. Такая неявная интроспекция рассмотрена в разделе 4. Следующие два раздела посвящены теориям (5) и методам (6), для которых характерно явное обращение к интроспекции (хотя, возможно, термин «интроспекция» при этом не используется). При самом свободном понимании интроспекции вся наша жизнь насыщена ею, ибо все содержание чувств доступно нашему вниманию благодаря обращению к содержаниям собственного сознания, то есть интроспекции. Будем называть такую интроспекцию «естественной». Исключить этот вид интроспекции из внимания было бы неправильно, так как она тоже может служить основой лингвистической теории. «Естественная интроспекция» рассмотрена в разделе 5.1. Более типичные для лингвистики теории, ориентированные на ограниченную «естественную интроспекцию», согласующуюся со сложившимися лингвистическими традициями, представлены в разделе 5.2. В Заключении кратко формулируется ряд выводов, к которым привели предыдущие рассуждения.

1. Варианты использования интроспекции

Если пока исключить из внимания «естественную интроспекцию», то в лингвистике следует выделить два понимания интроспекции. При широком понимании интроспекцией считают любое обращение к своему сознанию как к источнику фактов и аргументов для коммуникации или лингвистического исследования. Такая интроспекция присуща языку и лингвистике на всем протяжении их существования. Второе понимание интроспекции образовалось в лингвистике под влиянием психологии бихевиоризма, оно более узкое, чем первое, так как в нем принимаются во внимание не все случаи использования интроспекции в качестве источника данных и аргументов.

Таким образом, будут рассматриваться три понятия, которые можно упорядочить по объему следующим образом: «естественная интроспекция» включает «широкое понимание интроспекции», а оно, в свою очередь, — «бихевиористское понимание интроспекции».

Для обозначения обращений к интроспекции в лингвистике используются также другие термины: «самонаблюдение», «языковое чутье», «языковая интуиция», «лингвистическая интуиция». Например, Ю. Д. Апресян [Апресян 1995: 300] говорит о лингвистической интуиции, Л. В. Щерба [Щерба 1974: 33] — о самонаблюдении, М. А. Кронгауз — об интроспекции. М. А. Кронгауз даже связывает эти термины между собой, говоря, что основным способом пополнения и оценки языкового материала «является интроспекция, т. е. самонаблюдение. Интроспекция означает обращение к собственной языковой интуиции» [Кронгауз 2001: 92]. Все эти термины в лингвистике используются для обозначения непосредственного «видения» человеком в своем сознании определенных характеристик речевых или текстовых отрезков (осмысленности, правильности, синонимичности, семантико-синтаксической целостности, возможностей преобразования и т. д.). Какие-либо регулярные смысловые различия между указанными терминами в лингвистике не прослеживаются, поэтому они будут рассматриваться как синонимы и, ради единообразия рассуждения, использоваться будет термин «интроспекция».

Следует сделать еще два замечания относительно соотношений терминов «интуиция» — «интроспекция» и «интроспекция» — «самонаблюдение».

Понятия «интуиция» и «интроспекция» не совпадают. Однако речь будет идти не об интуиции вообще, а о более узком понятии: о языковой (лингвистической) интуиции как непосредственном, интроспективным усмотрении человеком определенных характеристик речевых и текстовых отрезков. Именно в этом смысле языковая (лингвистическая) интуиция и будет отождествляться с интроспекцией, что, по-видимому, соответствует приведенному выше мнению М. А. Кронгауза. Более общее понимание интуиции (в психологии и философии) — как обращения к своему внутреннему опыту (не только языковому) для поиска ответа на некоторый вопрос, решения задачи или проблемы — рассматриваться не будет.

В психологии предлагается разграничивать «интроспекцию» (осуществляемую исследователем) и «самонаблюдение» (производимое испытуемым) [Гиппенрейтер 1988]. В лингвистике в целом не прослеживается аналогичная тенденция словоупотребления: термины «интроспекция» и «самонаблюдение», как правило, фигурируют в качестве взаимозаменяемых синонимов или же используется один из них без объяснения причин такого выбора. Поэтому переносить данное разграничение в лингвистику было бы некорректно.

Вместе с тем, разделение смыслов терминов, указывающих на интроспекцию, можно встретить и в лингвистике, причем не только в бихевиористских ее направлениях. Так, М. А. Кронгауз [Кронгауз 2001: 96] разграничивает внутреннюю интроспекцию (обращение человека к собственному сознанию) и внешнее наблюдение (анкетирование, интервьюирование). Кроме того, он выделяет еще два варианта: *in vitro* (обращения лингвиста к своей языковой интуиции или к интуиции информанта с целью построения и дальнейшей оценки каких-либо языковых фрагментов) и *in vivo* (наблюдения лингвиста за естественной коммуникацией или ее результатами).

Неоднозначное отношение к интроспекции в значительной степени обусловлено тем, что по отношению к любой наблюдаемой составляющей своего внутреннего мира человек занимает двойственную позицию: он одновременно и наблюдатель, и объект наблюдения. Слыша, видя, испытывая радость, удивление, робость, человек, возможно, не отдавая себе в этом отчета, осознает переживаемые восприятия и чувства как свои собственные. Особенно явственны эти две позиции при сознательно осуществляемой интроспекции, когда человек (как наблюдатель) умышленно направляет внимание на содержание своего же внутреннего мира (как на объект наблюдения).

Осуществлять, даже с минимальным расхождением по времени, два разных, но одинаково значимых вида деятельности трудно. Навыки совмещения разных видов физических

движений можно со временем развить. Однако в случае интроспекции совмещаются эфемерные нефизические действия — восприятия, волевое управление вниманием, — а детали таких действий, по сравнению с действиями физическими, труднее поддаются контролю. Более того, само совмещение ограничено, поскольку фокус внимания высвечивает лишь одну из двух позиций, оставляя второй область периферии или ретроспекции.

Сложность принятия двойственности интроспекции служит значительным оправданием парадоксальности отношения к ней. Часто ее считают естественной и не нуждающейся в специальном рассмотрении, составляющей как бы общий фон восприятия или исследования, основное значение которого видится в чем-то ином (это избавляет от анализа ее двойственности). Другой вариант — размежевать названные две позиции, то есть единство «наблюдатель — объект наблюдения». Так, в бихевиоризме функция внешнего наблюдателя закрепляется за исследователем, который следит за поведенческими проявлениями явно или неявно предполагаемых интроспективных состояний другого человека, непосредственно эти состояния переживающего (испытуемого). Насколько верны предположения наблюдателя относительно интроспективных переживаний испытуемого и какие из переживаний в результате такого разделения труда вообще выпадают из области наблюдения исследователя, остается неясным: соответствующие решения наблюдатель принимает на основе своей интроспекции, но эти обращения к интроспекции не принимаются во внимание (не оценивается их адекватность как метода получения данных).

Подытожим тот репертуар позиций, который обусловлен вариативностью отношения к интроспекции, представив каждую из них характеризующим ее тезисом. Данные позиции не являются взаимоисключающими.

1. Интроспекция — необходимая и основополагающая составляющая (осознаваемая или нет) любого восприятия, ее надо учитывать в полной мере всегда, какая бы область внутренних переживаний ни рассматривалась (признание такой «естественной интроспекции» свойственно «интроспективным теориям языка»).
2. Способность к интроспекции — необходимая составляющая знания языка, всякий носитель языка обладает способностью к интроспекции (этот тезис принимают, например, представители психологического направления языкознания).
3. Интроспекция, используемая как источник данных и аргументов при коммуникации или исследовании языка, — один из основных методов научного исследования в лингвистике («широкое понимание интроспекции»).
4. Интроспекция специально лингвистически подготовленных людей более надежна, не все обладают этой способностью в одинаковой степени («тренированная интроспекция»).
5. Интроспекция субъективна, она не может служить надежным источником получения информации, поэтому предпочтительнее не использовать ее непосредственно, а судить о ней по внешним проявлениям в поведении человека (бихевиористские направления в лингвистике).

Здесь представлены и позиции «со знаком плюс», поддерживающие обращение к интроспекции в том или ином ее варианте, и позиции «со знаком минус», отказывающие ей в достоверности. Далее рассматривается реализация названных вариантов интроспекции в лингвистике и языке.

В рамках каждой из перечисленных позиций можно рассматривать язык в современном его состоянии (синхронии) или же в развитии (диахронии). В сумме получается весьма обширный перечень потенциально существующих позиций. Эти позиции взаимосвязаны.

Например, для изучения возможностей интроспекции как метода лингвистического исследования надо проанализировать, применительно к каким видам данных индивидуального сознания и насколько надежно ее можно использовать, а это означает, что нужно рассмотреть обращения человека к интроспекции в ходе использования или исследования языка. Именно такова была цель Л. Талми, одного из наиболее известных современных когнитивных лингвистов, в небольшой публикации которого [Talmy 2007] основным объектом

научного интереса являлась интроспекция как метод. В целях изучения этого метода Л. Талми построил наиболее полное на сегодняшний момент описание и классификацию явных и неявных обращений человека к интроспекции в рамках языковой или лингвистической деятельности. Удивительно, что, несмотря на важность интроспекции для лингвистики, это единственная лингвистическая работа такого рода, которую удалось найти.

2. Примеры интроспекции

Интроспекция используется прежде всего в реальной коммуникации носителей языка и лишь на этой основе может развиваться как метод лингвистики. Проявления такой интроспекции многообразны. Приведем для иллюстрации несколько примеров из «Фанданго», в которых представлены прообразы ряда вариантов использования интроспекции в лингвистике.

- (2) — *Что чувствуете вы, одолев тысячи миль? — Жажду...*
- (3) — *Я в истерике, я воплю и скандалю, потому что дошел! Вскипел!*
- (4) — *Рыба! Рыба! Вы потеряли рыбу!*

Один из очень часто встречающихся вариантов интроспекции — интроспективное видение человеком данных своего внутреннего (2, 3) или внешнего (4) восприятия, сообщение об этом посредством слов, выбор подходящих обозначений, понимание аналогичных сообщений других людей. Такое умение — прообраз профессиональных навыков лингвиста, изучающего вопросы **референции**.

Лингвистическое изучение референциальных отношений предполагает обращение к методу интроспекции при подборе примеров референции, встречающихся в речи, построении референциальных выражений (гипотетически возможных или невозможных), категоризации условий выбора референциального выражения, обзора и обобщении языкового материала. Такого рода операции используются, например, при изучении референциальных средств в дискурсе [Кибрик 2003], в частности, при анализе конкретных случаев референции с целью выявления и исследования факторов, влияющих на референциальный выбор.

Распространенный вид интроспекции — усмотрение **семантических соотношений и возможностей перифразирования**, в частности, — межъязыковых соответствий (5), ассоциаций (*цыгане* — *погадать*), синонимических соответствий (*рисунок для журнала* — *иллюстрация*) (6).

- (5) *Переводчик <...> оказался не совсем сведущим в языке. Он перевел: «мы должны быть» неверно, на что, протискавшись вперед, я тотчас же указал;*
- (6) — *Ходят ли к вам цыгане? — спросил я.*
— *Цыгане? — переспросил буфетчик. <...> — Ходят. — Он механически обратил взгляд на мою руку, и я угадал следующие его слова:*
— *Это погадать, что ли? Или зачем?*
— *Хочу сделать рисунок для журнала.*
— *Понимаю, иллюстрацию. Так вы, гражданин, — художник?*

Использованное в (5) умение интроспективно видеть **правильность / неправильность** языкового выражения или преобразования используется в лингвистике очень часто. В частности, в ходе экспериментального построения (в уме исследователя) различных видов обозначений и оценивания их допустимости / недопустимости в рассматриваемом языке. В качестве иллюстрации можно привести анализ использования дейксиса для обозначения пространственных соотношений в русском языке [Апресян 1995: 640]. Недопустимость предложений типа **Вдали появился я верхом на лошади*, экспериментально подвергнутых интроспективному испытанию, используется далее для аргументации утверждения об особенностях употребления двух групп слов: *вдалеке*, *вдали* и *далеко*,

недалеко, издалека (наречия первой группы в случае нереализованной второй валентности обозначают пространственную ориентацию, фиксированную относительно говорящего; наречия второй группы обозначают симметричное объективное пространственное отношение).

В диалоге (6) представлен еще один распространенный вариант интроспекции: предвидение мысли, которую собирается высказать собеседник. Предвидеть можно не только мысль, но и определенные данные органов чувств, например, зрительных (7).

(7) — *Это тот самый дом, сеньор профессор! Мы прибыли!*

Способность **предвидеть** мысли или восприятия, **устанавливать ассоциации** между ними используется, например, при планировании и интерпретации ассоциативных экспериментов в психолингвистике и когнитивной лингвистике.

В обширной области исследования ассоциаций, метафор, прототипических категорий активно используются навыки интроспективного наблюдения. В частности, при выведении гипотез о глубинных семантических сущностях необходим **обзор** их поверхностных проявлений. Примером может служить анализ прототипических составляющих понятия места [Кубрякова 1997: 27—28].

Языковые средства локализации в пространстве и времени активно изучаются в когнитивной лингвистике. В одной из фундаментальных работ на эту тему [Яковлева 1994] можно найти много примеров использования метода интроспекции. Так, интроспективное **восприятие толкований** слов *миг*, *мгновение*, *минута* и интроспективно же осуществляемый **обзор** возможных условий употребления этих слов для обозначения кратковременности использовались при выявлении смысловых коннотаций, предопределяющих сочетаемость [Там же: 102—106]. На основе подобного анализа языкового материала реконструируются определенные модели времени, используемые говорящими (эмоционально насыщенное восприятие времени и рациональное, аналитическое восприятие времени). Когнитивные модели также могут восприниматься интроспективно (в целом или по частям), особенно если такие конструкторы изображены графически.

Экспликация элементов смысла, построение толкований (на глубинном или поверхностном семантическом уровне), оценивание и уточнение толкований, семантических представлений, инвентаря семантических элементов — все это операции, требующие обращения исследователя к своей интроспекции.

Следующие три примера иллюстрируют возможности интроспективного усмотрения разных вариантов смысла одного и того же текста (8), обращения к интроспекции при поиске адекватного словесного представления мысли (9) и восприятие адекватности представления смысла (10). Профессионально развитое умение производить такие операции востребовано при решении многих лингвистических задач.

В (8) персонаж апеллирует к неизвестным интроспективным данным, которые, тем не менее, считает доступными для адресата сообщения. Это ожидание подтверждается ответной репликой. В данной ситуации оба собеседника понимают, что интроспективно воспринимаемые ими смыслы одного и того же текста различны: у второго оно глубже (детальнее). Для обоих это различие интроспективно очевидно.

(8) — *Вот, — сказала она, подняв палец и, видимо, затрудняясь в выборе выражений, — одно место, где был сегодня, туда снова иди, оттуда к н е м у пойдешь. Какое место, не знаю, только там твое сердце тронут о <...> что там увидел, тебе знать.*
— *Это правда, — сказал я, — сегодня случилось то, что ты рассказываешь.*

Словесная репрезентация интроспективно наблюдаемой мысли — задача не всегда простая, она может решаться с разной степенью успешности, может даже оказаться нерешаемой (9). В (10) совершенно экстраординарная ситуация (разрыв времени и смещение событий), которую пытаются осмыслить действующие лица, неожиданно получает необычное, но по их собственному признанию очень точное словесное оформление. Сама мысль,

которую надо выразить словами, ее ускользание, пути ее словесного выражения и их адекватность выражаемой мысли — все это данные интроспекции участников коммуникации.

- (9) *...я думал о неуловимой музыкальной мысли, твердое ощущение которой появлялось всегда, как я прислушивался к этому мотиву — «Фанданго». Хорошо зная, что душа звука непостижима уму, я тем не менее пристально приближал эту мысль, чем более приближал, тем более далекой становилась она;*
- (10) — *Ну, я просто дура! — сказала она, прерывисто вздыхая и начиная поправлять волосы, — признак конца душевной бури. — Очень понятно! Все перевернулось, и в перевернутом и оказалось на своем месте!*
Я подивился женской способности определять положение двумя словами и должен был согласиться, что точность ее определения не оставляет желать ничего лучшего.

Точность словесной репрезентации мысли непосредственно видится говорящим, это не результат взвешенной оценки или логического вывода, это интроспективно данный факт.

Интересно сравнить примеры (1) и (10). В (1) говорящий отказался считать интроспективные данные своих органов чувств (зрения и слуха) соотносимыми с реальным миром. В то же время остальным участникам представленной в (1) коммуникативной ситуации возможность такого отказа, по-видимому, даже не приходит в голову, они непроизвольно принимают аналогичные интроспективные данные как реальность, веря в достоверность предоставляемых органами чувств фактов. Похожее доверие к своему восприятию демонстрируют собеседники в (10): они интроспективно видят правильность словесного объяснения определенных событий и не подвергают это чувство сомнению. Вместе с тем, можно предположить, что в случае сомнения они смогли бы прекратить интроспективно воспринимать данное словесное объяснение как адекватное. Иначе говоря, им удалось бы сделать то, чего не смог сделать говорящий в (1), пытаясь отменить данные своего зрения и слуха. Восприятие правильности словесного описания событий в (10) представляет собой менее устойчивый вид интроспективных данных, чем восприятия органов чувств в (1). Это различие может служить иллюстрацией предложенного Л. Талми ранжирования интроспективных данных по степени их устойчивости и ясности их восприятия. Такое ранжирование необходимо при анализе возможностей интроспекции как метода лингвистического исследования.

3. Классификация типов интроспекции, предложенная Л. Талми

Вне зависимости от того, признаем ли мы достоверность интроспективных данных или сомневаемся в этом, необходимо изучить ее саму, виды ее явного и неявного использования в качестве метода и в качестве источника данных. Только таким образом можно обрисовать «профиль» данного инструмента и, значит, более точно и прицельно применять его в лингвистике. Такова отправная точка рассуждения Л. Талми [Talmy 2007], считающего интроспекцию базовым методом лингвистики. Он находит множество случаев обращения к интроспекции как в ходе обычного использования языка при коммуникации, так и в деятельности лингвиста. Приведем несколько примеров, чтобы показать, какие типы составляющих языка могут рассматриваться как базирующиеся на интроспекции. Более детальное обсуждение этой классификации содержится в [Тимофеева 2010].

Талми ранжирует составляющие языка по степени их интроспективной доступности, используя три параметра классификации: 1) уровни осознания (предметный уровень и метауровень), 2) условия интроспективного наблюдения (наличие / отсутствие связи с текущим процессом коммуникации или, в терминах Л. Талми, онлайн / офлайн интроспекция), 3) интенсивность, ясность, устойчивость наблюдения. Онлайн / офлайн виды интроспекции, в свою очередь, тоже подразделяются на подвиды.

Например, перед произнесением реплики в ходе диалога говорящий «видит» внутренним взором (на первом уровне осознания) ту мысль, которую он намерен выразить вербально. В этот момент он может приостановить диалог и задуматься над тем, как лучше выразить

эту мысль: как упорядочить ее составляющие, что высказать явно, а что — завуалированно и т. д. (все эти размышления относятся ко второму уровню осознания).

Пример интроспекции, сопутствующей коммуникации: говорящий, указывая на некий предмет, называет его, слушающий фиксирует связь между предметом и словом («делает умственную заметку») с целью пополнения своего словарного запаса. Пример предваряющей интроспекции: слушающий удерживает в уме мысли (или даже их языковые реализации), которые предполагает высказать позже, прогнозирует высказывания собеседника.

Пример офлайновой автономной (то есть осуществляемой вне контекста речи) интроспекции, используемой лингвистами в ходе исследовательской работы: изучение изолированных смыслов языковых единиц, при этом смыслы однозначных слов более доступны для интроспекции, чем смыслы служебных, смыслы конкретных слов более доступны, чем смыслы абстрактных. Высокодоступна при автономном офлайновом наблюдении грамматическая правильность предложения, но в очень малой степени доступны смыслы аффиксов и семантические компоненты, составляющие структуру смысла слова.

В типологическом исследовании, осуществленном Л. Талми, охвачены очень многие случаи обращения лингвистов к «естественной» и явной интроспекции. Так, традиционному лингвистическому эксперименту, разработанному в конце 1920-х гг. А. М. Пешковским и Л. В. Щербой, тоже находится место в классификации Л. Талми. Можно сказать, что этот вид эксперимента обычно проводится «в режиме офлайн» и состоит в том, что лингвист выбирает или специально создает некий текст и направляет свое внимание на его восприятие (на втором уровне осознания) с целью понять, воспринимается ли текст как правильный или как неправильный. Щерба называл используемый им метод «самонаблюдением», настаивал на его важности для исследования языка и опровергал мнение о его субъективности [Щерба 1974].

Если вспомнить о введенном выше разграничении трех понятий («естественная интроспекция», широкое и бихевиористское понимание), то надо сказать, что Талми исследовал интроспекцию в широком понимании, он не учитывал весь тот объем интроспективных данных, которые служат основой обсуждаемых далее интроспективных теорий языка.

4. Неявные обращения к интроспекции

Неявное обращение человека к интроспекции может быть как осознанным, так и неосознанным, но в обоих случаях ни процесс интроспекции, ни получаемые таким образом данные не представляют самостоятельной цели, не выделяются как составляющая языка или как метод исследования (пусть даже под другим названием). Однако эти данные используются затем в качестве фактов или аргументов в рассуждении. Поэтому эти случаи следует отнести к «широкому пониманию интроспекции».

Любой естественный язык, служащий средством человеческой коммуникации — в отличие от многих искусственных, например, математических языков, — совмещает в себе предметный язык (на котором обсуждают предметный мир) и метаязык (на котором обсуждают предметный язык). Поэтому метаязыковые суждения может высказывать любой носитель языка, лингвист отличается лишь большим профессионализмом в построении на этой основе лингвистических суждений. Неявная интроспекция, охватывая и предметный язык, и метаязык, создает условия для использования интроспекции в составе методов лингвистического исследования и лингвистических теорий.

К интроспекции (без использования этого термина) исследователи языка неявно обращались уже в очень давние времена. Для иллюстрации приведем два примера из времен античности: первый — о неявном постулировании исследователем языка необходимости наличия интроспекции у носителя языка, второй — об использовании исследователем своей собственной интроспекции.

В эту эпоху предлагался ряд похожих версий процесса «установления имен», то есть связывания комбинаций звуков с определенными конкретными или абстрактными вещами.

Схематично эти версии можно описать так. Человек, испытывая типичные для определенной ситуации эмоции, выражал эти эмоции какими-то звуками. Постепенно эти звуки (возможно, в преобразованном виде) приобретали новую функцию, превращаясь из средства выражения эмоции в средство обозначения вещи. Подобные версии есть, например, у Лактанция, Диодора, Витрувия, Эпикура [Верлинский 2006]. Первые слова, согласно Лактанцию, — эмоциональные звуки. Эпикур, полагая слова инстинктивной реакцией людей на воздействие вещей, рассуждал так: вещи вызывают у человека определенные зрительные восприятия и эмоции, а те обуславливают произнесение специфических звуков.

Независимо от того, как оценивать эти гипотезы с позиций современной лингвистики, они дают пример очень раннего допущения неявной интроспекции у носителя языка. Действительно, столь серьезный шаг как догадка о различении двух функций звуков — эмоциональной и обозначающей — предполагает способность носителя языка осознать определенное звучание как реакцию на определенное содержание своего сознания, связать эти две стороны в языковом знаке и затем использовать получившийся знак произвольно, в отрыве от спровоцировавших его появление ситуаций. Существо, способное совершить такую операцию, должно обладать интроспекцией.

Еще один важный шаг на пути познания языка — открытие неоднозначности слов. Референциальная неоднозначность, проявляющаяся, например, в собственных именах (одно и то же имя может указывать на разных людей) и смысловая неоднозначность (то есть полисемия и омонимия) были также известны во времена античности. Современники Демокрита знали и о существовании синонимов (или «равновесных» слов по его терминологии). Омонимия и полисемия использовались в ответах оракула и как литературный прием [Верлинский 2006: 106].

Для усмотрения неоднозначности необходима интроспекция, и эту способность неявно использовали софисты, исследуя свойства языка в своих экспериментах с текстами. Осознание неоднозначности как языкового явления, интерес к многозначности слов нашли отражение во многих софизмах, например, основанных на «играх» с интроспективно наблюдаемым размытым смыслом слов в парадоксах «Куча» и «Лысый». Для понимания этих парадоксов человек должен «консультироваться» со своим восприятием, обращаясь сам к себе примерно с таким вопросом: могу ли я назвать этим словом эту вещь, воспринимая ли я это как правильное использование данного слова? Аналогичные вопросы может задавать себе и современный лингвист в ходе лингвистического эксперимента [Щерба 1974] с использованием интроспекции.

Нельзя сказать, что неявное использование интроспекции характерно лишь для начальных стадий осмысления человеком языка, что потом ему на смену приходит осознанная оценка интроспекции как исследовательского метода.

Случаи неявного использования интроспекции можно найти во взглядах и теориях очень многих авторов, на протяжении всей длительной истории существования интереса человека к языку. Даже во взглядах Фердинанда де Соссюра, которого часто называют основоположником антипсихологизма в языкознании, присутствует интроспекция, хотя бы потому, что он считает знаком двустороннюю психическую сущность, связывающую понятие и акустический образ. Однако интроспекция все же не находится в фокусе внимания Ф. де Соссюра.

Неявное использование интроспекции есть даже у ее радикальных противников — представителей дескриптивной лингвистики, следовавших базовым положениям бихевиоризма и опиравшихся в своих исследованиях на анализ сочетаемости элементов языка (дистрибуции). В процессе такого анализа использовалась интроспекция носителя описываемого языка: носитель языка выступал в качестве информанта, судящего о правильности / неправильности языковых цепочек, о тождественности / нетождественности их смыслов. Кроме того, при бихевиористском исследовании невозможно избежать и интроспекции самого исследователя, так как именно он, опираясь на свои восприятия поведения другого человека (осознанно или нет), решает, какие составляющие поведения принять во внимание. Есть вероятность, что он, используя в качестве критерия выбора значимых данных свою

интроспекцию, «смотрит, но не видит». Аналогичные неявные обращения к интроспекции есть у всех бихевиористских направлений в лингвистике, в частности, в когнитивной лингвистике и психолингвистике.

В отличие от приведенных примеров, в которых обращения к интроспекции имеются, но явным образом никак не вводятся, следующие теории языка в той или иной форме заявляют о ее присутствии.

5. Явные обращения к интроспекции

«Естественная интроспекция» — всепроникающее явление, не устранимое ни из языка, ни из процессов его использования и изучения. Некоторые теории языка концентрируются именно на этом обстоятельстве, абсолютизируя его. Будем условно называть такие теории интроспективными. В отличие от неявного применения интроспекции здесь обращение к фактам индивидуального сознания открыто признается, хотя и не всегда используется термин «интроспекция».

Интроспективных теорий языка немного. Гораздо чаще область использования интроспекции ограничивается так, чтобы не возникало больших противоречий со сложившимися традициями рассмотрения языка, такие теории условно назовем интроспективно-лингвистическими.

5.1. Интроспективные теории языка

Для иллюстрации возможности видения языка, служащего основанием интроспективной теории, стоит обратиться к работе Робина Джорджа Коллингвуда «Принципы искусства» [Коллингвуд 1999]. Р. Дж. Коллингвуд известен как историк и философ, к числу лингвистов его не относят. Тем не менее, в его работе содержится целостное представление о языке как о такой сфере индивидуального сознания, которая насквозь «сплетена» из интроспективных содержаний разного уровня сложности. Это наглядный пример явно интроспективной теории языка, аналога которому среди работ лингвистов найти нельзя, так как настолько сильный интроспективный подход является непродуктивным с позиции традиционной лингвистики: все обычные лингвистические понятия (фонемы, морфемы, слова, грамматические категории и т. д.) здесь оказываются в числе «метафизических фикций». Вместе с тем, интроспективные аспекты представления о языке изложены у Коллингвуда ясно, детально и концентрированно (в отличие от похожих идей его предшественника, историка и философа Бенедетто Кроче).

Можно усмотреть сходство между видением языка, присущим Р. Дж. Коллингвуду, и античными гипотезами об эмоциональном происхождении языка, о которых говорилось ранее. По мнению Коллингвуда, «эмоциональные заряды» в преобразованном виде составляют самую основу языка. Согласно схеме его рассуждения, ощущения, будучи зафиксированы на самом примитивном уровне сознания (признаны человеком как его собственные), могут постепенно, восходя последовательно к все более развитым уровням психического опыта, приобрести определенную свободу. Сначала эта свобода выражается в том, что ощущения можно фиксировать и сравнивать с другими, далее она развивается до того, что их становится возможным распознавать, в конечном итоге — называть. Иначе говоря, они могут становиться означаемыми языковых знаков. На стартовом этапе это знаки первоначального языка («языка сознания»), которому еще предстоит развиваться до обычного человеческого языка («языка интеллекта»). Причем «эмоциональный заряд» характеризует все ощущения, от самого сырого их варианта на примитивном уровне сознания до их осознания и выражения в развитом языке коммуникации. В преобразованном виде такой заряд присутствует и в любой мысли, поэтому выражение любой мысли — это выражение сопутствующих ей эмоций.

Путь из примитивных ощущений в означающие знака может пройти любой вид действий человека (например, мимика), способный приобрести свойство что-либо выражать. Осознав

некоторое ощущение, человек постепенно научается использовать соответствующее действие произвольным образом.

Поскольку, с точки зрения Коллингвуда, любая эмоция существует лишь постольку, поскольку она может быть выражена, совершенствование языковых средств дает возможность выражать (а значит, и иметь) все новые виды эмоций. Чем более развит язык, тем большее количество эмоций и тем более тонкие эмоции он способен выражать. Над обычным языком надстраиваются профессиональные и символические языки. Однако и они тоже не приводят к исчезновению эмоциональных составляющих. Если на начальном этапе новый, например, математический символ еще может использоваться механически, то с течением времени, он осваивается использующими его людьми и неизбежно «обрастает» эмоциональными оборотами. Даже математик связывает со знаками своего языка эмоции, специфичные именно для такой сферы коммуникации (не случайно ведь говорят о «красивой теореме» и «красивом доказательстве»).

Смыслы не «передаются» вместе с текстом, а заново творятся как слушающим, так и говорящим, эти смыслы индивидуальны и уникальны. И при описанном понимании этого процесса, создание и понимание смыслов сплошь пронизано интроспективными восприятиями «эмоциональных зарядов» и ощущений разных уровней.

Вместе с тем, деятельность лингвиста направлена только на результат живой коммуникации, на препарирование ее продуктов — текстов. В результате получают не составляющие подлинного языка, а «метафизические фикции», лишенные реального существования: части речи, значимые части слов, синтаксические структуры и т. д. Аналогичных взглядов на лингвистические традиции придерживался другой автор интроспективной концепции языка К. Фосслер: «Рассматривать язык с точки зрения установлений и правил — значит рассматривать его ненаучно» [Фосслер 2007: 33].

Здесь уместно вспомнить о высказывании другого философа, Людвиг Витгенштейна: «Философские проблемы возникают, когда язык пребывает в праздности» [Витгенштейн 2003: 248]. «Язык в праздности» — это тексты (устные или письменные), т. е. продукт, результат использования языка.

Интроспекция, где бы она ни применялась — при использовании языка или при его изучении, — это инструмент ухода от «языка в праздности» к «языку в действии». Однако, удаляясь от «языка в праздности» на слишком далекое расстояние, мы рискуем потерять границы языка.

Это действительно происходит во многих теориях языка, которые можно отнести к числу интроспективных, например у Б. Кроче. Если язык в столь большой степени индивидуален, то растворяются границы между разными языками, так как всякое единство индивидуальных языков (например, национальное) может быть построено только на основе введения абстрактных сущностей, «метафизических фикций», не наблюдаемых в фактах проявления языка и, соответственно, незаконных в таких теориях языка. Проблема обнаружения границ языков возникает и у К. Фосслера.

На рубеже XIX и XX вв. под влиянием сочетания идей В. фон Гумбольдта и Б. Кроче в Германии возникла лингвистическая школа эстетического идеализма, или идеалистическая нефилология. Ее основоположник, К. Фосслер, рассматривал каждый случай использования человеком языка как акт индивидуального творчества, воспринимаемый только самим этим человеком. Любое языковое выражение индивидуально и неповторимо, «для выражения внутренней интуиции всегда существует только одна-единственная форма» [Фосслер 2007: 33]. Подобно Б. Кроче и Р. Дж. Коллингвуду, К. Фосслер отрицал закономерность членения речи в соответствии с лингвистическими понятиями морфемы, слова и т. д., поскольку такие сущности не воспринимаемы и являются фикциями. Их можно использовать лишь как техническое средство, удобное при определенных обстоятельствах, осознавая при этом произвольность таких членений речи.

Как и Б. Кроче, он причислял «языкознание к группе исторических дисциплин, основывающихся на созерцании (интуитивное познание)» [Там же: 28]. Взгляды Фосслера не лишены

противоречий, в ряде отношений непрозрачны. Его идеи можно причислить к числу интроспективных теорий языка лишь в качестве намерения или проекта, поскольку они носят скорее декларативный характер и не реализовались в виде целостной лингвистической концепции языка. В отличие от Коллингвуда, который не был лингвистом и легко отказывался в своих рассуждениях от «метафизических фикций», Фосслер — лингвист, его неизбежно манила к себе лингвистическая традиция, поэтому его видение языка не столь целостно.

По поводу взглядов К. Фосслера А. С. Чикобава высказывает интересную мысль: «концепция К. Фосслера являет собой... прекрасный эксперимент, показывающий, во что может вылиться теория языка, построенная без учета основной, коммуникативной, функции языка, теория, основанная только лишь на экспрессивной функции» [Чикобава 1959: 135].

Действительно, если историю лингвистики рассматривать как серию своего рода мысленных экспериментов по построению на основе языковых данных тех или иных логических конструктов — теорий, — то интроспективные теории языка — это довольно поучительные эксперименты. Эти теории отрицали традиционные лингвистические категории, поэтому их непротиворечивое комбинирование с принятыми в лингвистике принципами анализа языкового материала оказывалось проблематичным. Для того же, чтобы развить интроспективную теорию до полноценной теории языка, необходимо выработать свои собственные практически применимые приемы работы с языковыми данными, что, по-видимому, оказывается непростой задачей.

5.2. Интроспективно-лингвистические теории языка

Приверженцы представлений о языке, рассматриваемых в данном разделе, придают большое значение интроспекции, но это не приводит их к полному отрицанию лингвистических исследовательских принципов. Их теории языка не являются столь радикально интроспективными.

Истоки теорий, о которых далее пойдет речь, — в мыслях о языке, высказанных Вильгельмом фон Гумбольдтом и основывающихся на видении языка как преходящего процесса, как деятельности. Именно эти идеи составили основу одного из направлений в языкознании — психологического направления.

Многие приверженцы данного направления следовали взглядам Иоганна Фридриха Гербарта и придавали первостепенное значение представлениям и ассоциациям, присутствующим в индивидуальном сознании и связанным с использованием языка.

Базовые положения ряда авторов интроспективных и интроспективно-лингвистических теорий языка, истоки которых восходят к гумбольдтовской традиции, можно кратко представить так. Использование языка — это творческий процесс, он неповторим в ситуациях коммуникации. Создание и понимание любого текста в процессе коммуникации содержит элемент творчества. Сам язык возникает и развивается на всем протяжении его истории благодаря тем людям, которые разговаривали на нем. Эти люди, обладая национальной и территориальной общностью, объединенные сходными проблемами, интересами, целями, использовали этот язык в течение многих сотен лет, неизбежно закрепляя в его устройстве следы своего языкового творчества. Таким образом индивидуальные носители языка постепенно вносили больший или меньший вклад в становление языка, используемого определенным сообществом людей, нацией. В результате всякий национальный язык приобретал свои особенности, отражая «дух народа», который совместно творил его. Ни на какой стадии существования язык не может представлять собой некое законченное образование: всякий человек, используя язык, заново творит его.

Образно говоря, язык подобен чрезвычайно сложно организованной сети, сквозь которую носители языка видят физический и нефизический континуумы. Для каждого языка ячейки сети, получающие наименования в этом языке, обладают своей спецификой, отражая «дух народа». Это неповторимое членение мира, свойственное каждому конкретному языку, В. фон Гумбольдт называет «внутренней формой» языка.

А. А. Потебня использовал более конкретное понятие внутренней формы слова как первоначальной мотивации наименований вещей. В его трактовке неявно присутствует предположение о том, что для возникновения и развития языка необходимо наличие интроспекции у носителя языка. Действительно, во внутренней форме слова отражается первичное восприятие вещи: специфика восприятия обуславливает специфику наименования.

Александр Афанасьевич Потебня — один из самых ярких представителей психологической школы в лингвистике. Варианты обращения к интроспекции, присутствующие в его трудах, конечно, не исчерпываются понятием внутренней формы. Многочисленность таких обращений позволяет привести здесь лишь отдельные примеры. А. А. Потебня видел основания для признания эмоциональной, или междоменной, теории происхождения языка, о которой уже говорилось ранее. Он очень детально анализирует тот процесс в индивидуальном сознании, в ходе которого «междоменное, под влиянием обращенной на него мысли, изменяется в слово»; «создавая слово, человек должен заметить свой собственный звук; это уже самонаблюдение» [Потебня 1922: 78—79]. А. А. Потебня также рассматривает развитие слова в сознании понимающего его человека. Он полагал (позже аналогичную мысль высказывал Р. Дж. Коллингвуд), что состояния нашей души, эмоции уясняются нами лишь после того, как мы их выражаем в слове, тем самым наделяя их неким самостоятельным существованием; в противном случае они навсегда остаются для нас «темными» [Там же: 81].

Тем самым интроспективное восприятие эмоции, за которой следует образование выражающего ее знака, придает самой эмоции иной способ существования, также воспринимаемый интроспективно. Обращаясь к психологическому понятию апперцепции, Потебня подробно анализирует его применительно к языку, рассматривая процесс создания слова или использования его в речи как замену некоего первоначального восприятия измененным вторичным восприятием, возникающим в результате апперцепции первого.

Труды А. А. Потебни дают яркий пример возможности такого сочетания психологического и лингвистического взглядов на язык, при котором обе стороны можно назвать равновесными. Чаще исследователи, относимые к психологическому направлению лингвистики, например И. А. Бодуэн де Куртенэ и В. Вундт, в большей степени склонны уделять внимание одной из этих двух сторон.

И. А. Бодуэн де Куртенэ в большей степени сосредоточен на рассмотрении конкретных вопросов, касающихся области познания языка, принимает во внимание сложившиеся в ней традиции. Психологизм в его работах определяет ракурс рассмотрения языковых явлений.

Напротив, Вильгельм Вундт, хотя и полемизирует вполне профессионально и детально с современными ему языковедами (например, Х. Штейнталем, Г. Паулем, Г. Шухардтом), обсуждая ряд аспектов языка, однако, будучи прежде всего психологом и философом, в своей «Психологии народов» (1912) [Вундт 2002] не уделяет столь большого внимания конкретным лингвистическим понятиям и традициям исследования языка. Основное направление его интереса, обусловленное идеей В. фон Гумбольдта о языке как проявлении «духа народа», связано с рассмотрением «коллективной личности» и предлагаемой им самостоятельной новой дисциплины — психологии народов, опирающейся на три области исследования: язык, мифы, обычаи.

Вместе с тем, в развиваемой им экспериментальной психологии В. Вундт, конечно, рассматривает явления языка, отводя им значительное место, но ограничиваясь элементарными психологическими процессами, связанными с языком [Вундт 1912]. В этой части своих исследований Вундт строит апперцептивную концепцию языка, существенным компонентом которой являются интроспективные восприятия. Сложные психические процессы, точнее, их следы, запечатленные в языке, мифах, обычаях, должны изучаться, по мнению Вундта, в рамках психологии народов.

Хотя В. Вундт рассматривает взаимоотношения между наукой о языке и психологией как отношения обоюдной взаимопомощи, при рассмотрении языка фокус его интересов — на психологической стороне, а не на лингвистической. Подтверждением тому являются слова самого В. Вундта: «...во взаимодействии этих двух областей знания центр тяжести

приходится на вторую половину...: на добывание психологического знания из фактов языка... Язык нам понадобился бы для того, чтобы заложить прочную основу психологии сложных психологических процессов, и это даже в том случае, если бы оказалось — во что я, конечно, не верю, — что языкознание вовсе не нуждается в помощи психологии» [Чикобава 1959: 26].

Формат статьи не позволяет детально рассмотреть роль интроспекции во взглядах на язык всех значимых представителей психологического направления в языкознании. Стоит лишь отметить, что это направление актуально до сих пор, хотя, конечно, претерпевало изменения, связанные с развитием лингвистики и психологии. В частности, преемниками идей В. фон Гумбольдта явились и исследователи гипотезы лингвистической относительности Сепира — Уорфа, и представители когнитивной лингвистики. Интроспекция здесь используется при работе с информантами, обращениях лингвиста к своему «языковому чутью», в составе лингвистического эксперимента.

6. Интроспекция как метод лингвистики

Для обсуждения интроспекции как метода лингвистики вернемся к введенному ранее разграничению двух пониманий: широкого и более узкого, бихевиористского. При широком понимании к случаям применения данного метода относятся все такие обращения к интроспекции, цель которых — нахождение посредством нее дополнительных фактов и аргументов для рассуждения о языке. Лингвист, например, может утверждать о каком-то словосочетании, что «так по-русски сказать нельзя», даже если на этот случай нет прямого запрета в существующих описаниях русского языка. Этот вариант метода интроспекции возник при исследованиях языка очень давно и развивался самостоятельно еще до той эпохи, когда надежность интроспекции стала предметом научных споров. При суженном, бихевиористском, понимании интроспекция считается субъективной и использование ее в научном исследовании ограничивается, по заявлениям некоторых дескриптивистов (например, З. Харриса) она может быть совсем устранена, но это означает лишь, что те обращения к интроспекции, которые могли бы быть учтены при ее широком понимании, не принимаются во внимание.

Позицию метода интроспекции в лингвистике можно назвать противоречивой. Многие считают его одним из основных для науки о языке (обычно имея в виду широкое понимание интроспекции). В то же время в профессиональных терминологических изданиях по лингвистике этот метод не наделяется соответствующим статусом. В словарях лингвистических терминов интроспекция вообще не упоминается среди методов лингвистики. В лингвистическом энциклопедическом словаре в основной статье о методах лингвистики [Степанов 1990] интроспекция также не названа, о ней сказано только в статье об экспериментальных методах [Фрумкина 1990]. Вместе с тем, в научно-популярной онлайн-энциклопедии «Кругосвет» (<http://www.krugosvet.ru/>) в статье «Методология лингвистики» сказано, что «Для традиционной лингвистики... [о]сновным инструментом исследователя является его языковая интуиция (интроспективный метод)». Такая противоречивая ситуация, наряду с частотой неявного использования интроспективных данных в лингвистических рассуждениях и отсутствием для интроспекции единого наименования, по-видимому, свидетельствует о том, что в целом метод интроспекции находится в лингвистике на этапе его осознания как такового.

Учитывая историю явных и неявных обращений к методу интроспекции, следует выделить три взаимодействующие линии его развития в лингвистике.

1. Многовековая история применения метода интроспекции (в широком понимании) на всем протяжении развития науки о языке. Длительное время метод формировался на этой основе.
2. Влияние идей В. фон Гумбольдта и интроспективной психологии конца XIX — начала XX в. Формирование направления психологизма в науке о языке хорошо сочеталось с первой линией развития, позволило эксплицировать многие случаи использования интроспекции лингвистами.

3. Влияние бихевиоризма и принимаемых им естественнонаучных критериев знания. Формирование бихевиористских направлений лингвистики.

Неявные обращения к методу интроспекции начались настолько давно, что по отношению к ним еще сложно использовать слова «лингвистика» или «наука о языке». Тем не менее, это уже выявление некоторых из тех языковых единиц, которые фигурируют в современных исследованиях языка. Например, способность человека непосредственно «видеть» смысловую целостность цепочек языковых знаков (распознавая границы предложений, осмысленных словосочетаний), их смысловое сходство, правильность или неправильность (допустимость или недопустимость) языковых выражений, основываясь лишь на своем языковом чутье, использовалась исследователями языка с незапамятных времен. Еще египтяне в XVII—XVI вв. до н. э. делали специальные графические пометки над строкой текста («красные точки»), разделяя речевой поток на отрезки. Эти отрезки могли представлять собой, например, простые предложения, сложные предложения, причастные обороты, отдельные слова, словосочетания. Сегментация текста, хотя и обладала своей спецификой по сравнению с современными традициями, тем не менее, состояла в выделении частей, обладающих семантико-синтаксической целостностью [Десницкая, Кацнельсон 1980: 11]. Тем самым метод интроспекции неявно использовался для сегментации текста древними предшественниками исследователей языка. Как это ни удивительно, обращение к интроспекции с целью сегментации текста применялось и в наше время дескриптивными лингвистами XX в. для выделения текстовых отрезков, которые информанты, являвшиеся носителями исследуемого языка, должны были оценить как допустимые, отождествить с другими отрезками и т. д. (метод был предназначен прежде всего для построения лингвистических описаний бесписьменных языков американских индейцев). И точно так же обращения к методу интроспекции в этом случае были неявными, но уже по другой причине: сторонники дескриптивной лингвистики, будучи приверженцами бихевиоризма и не признавая интроспективные данные достоверными, оставляли эти проявления интроспекции за пределами своего внимания, внося таким образом не замечаемую ими противоречивость в свою теорию.

Для сторонников широкой трактовки «основным способом пополнения языкового материала и одновременно его оценки с различных точек зрения является интроспекция, т. е. самонаблюдение», метод интроспекции «следует признать кратчайшим путем к проверке той или иной гипотезы» [Кронгауз 2001: 92—93].

Похожие характеристики метода интроспекции можно найти во многих более ранних работах. Прежде всего, стоит вспомнить о школе младограмматиков, расцвет которой пришелся на конец XIX в. — начало XX в. В частности, Герман Пауль «особо выделял роль интроспекции, игравшей неосознанно значительную роль с самого начала изучения языка в лингвистических традициях», поскольку, опираясь на нее, лингвист может исследовать «психический организм» — сложное переплетение различных представлений, в котором реализуется в индивидууме знание языка [Алпатов 1999: 104]. Сам Г. Пауль говорит о самонаблюдении: «Психическую сторону речевой деятельности, как и все психические явления вообще, можно изучать лишь путем самонаблюдения» [Пауль 1964: 211].

Одно из очень важных для лингвиста применений метода интроспекции состоит в использовании его для создания таких типов текстов исследуемого языка, какие в данный момент представляют интерес. Причем создавать лингвист может как правильные тексты («положительный языковой материал»), так и неправильные («отрицательный языковой материал»). Именно таков принцип проведения эксперимента, получившего распространение в лингвистике, начиная с работ А. М. Пешковского и Л. В. Щербы в начале XX в. Этот метод используется в исследованиях многих лингвистов более позднего поколения. Причем отнюдь не всегда при обращении к таким экспериментам используют термин «интроспекция», например, Ю. Д. Апресян называет эту способность человека «лингвистической интуицией» [Апресян 1995: 300], Л. В. Щерба говорил о методе самонаблюдения.

Относительно возможной субъективности суждений лингвиста, проводящего такой эксперимент, единства нет. Многие авторы, используя интроспекцию (в широком понимании),

вообще не обсуждают этот вопрос. Щерба опровергал мнение о субъективности интроспективных наблюдений в рамках лингвистического эксперимента [Щерба 1974].

Вместе с тем, оценка привычного для лингвистики широкого понимания интроспекции в современных обстоятельствах вынуждает признать определенные опасности, связанные с этим методом. М. А. Кронгауз перечисляет основные из них, а именно: возможность привнесения особенностей собственного индивидуального языка исследователя (идиолекта); искусственность условий применения языковой интуиции; возможность ее изменения в ходе исследования и в связи с течением времени; ее притупление в результате длительного размышления; возможность бессознательной «подгонки» материала под теорию; возможность постепенного привыкания к отрицательному языковому материалу и его перехода в положительный [Кронгауз 2001: 93]. Все это вполне реальные угрозы для исследователя языка, и они специфичны именно для изучения данного объекта.

Часто, однако, рассуждения лингвистов о возможной субъективности метода интроспекции не опираются на столь подробный учет специфики языкового материала, а являются отголосками дискуссий в психологии. Например, один из сторонников метода интроспекции Люсьен Теньер, полагаящий, что «интроспекция должна стать одним из главных методов исследования синтаксических фактов» [Теньер 1988: 48], приводит в защиту своего мнения аргументы, вполне узнаваемые по истории психологии.

Если неоднозначное отношение к интроспекции действительно в значительной степени обусловлено ее двойственностью — совмещением в одном человеке ролей наблюдателя и объекта наблюдения, — то интересно посмотреть, обращали ли лингвисты внимание на этот аспект метода интроспекции. В отечественной лингвистике раньше других на это обстоятельство указал в начале 1920-х гг. А. М. Пешковский, разделив две позиции: лингвиста и носителя языка [Пешковский 1965]. Каждый человек может выполнять любую из этих ролей. Хотя лингвист в первой из них более искусен, но и обычный носитель языка, не являясь лингвистом, тоже имеет возможность выступать в роли такового. Вместе с тем, А. М. Пешковский предостерегает против смешения этих позиций: лингвист должен четко осознавать, какую из них он в данный момент занимает. Тем самым Пешковский, по сути, говорит о тренированной интроспекции: наращивании опыта лингвистической интроспекции, в частности, — умения разводить в своем сознании указанные две позиции.

В. М. Алпатов указывает на аналогичное разделение позиций субъекта и наблюдателя японским лингвистом середины XX в. Мотоки Токиэда. Первая позиция предполагает обращение к интроспекции для распознавания правильного и неправильного, красивого и некрасивого, престижного и непрестижного. Очень кратко и ясно формулируется главный постулат: «Точка зрения наблюдателя возможна только тогда, когда имеет своей предпосылкой точку зрения субъекта» [Алпатов 1999: 274]. Иначе говоря, сначала нужно выступить в роли носителя языка, а затем изучать полученные в этой роли интроспективные данные, перейдя в роль наблюдателя. Такая установка делает интроспекцию основным методом лингвистики. М. Токиэда вполне справедливо отмечал, что отрицание указанного алгоритма действий лингвиста (от роли субъекта — к роли наблюдателя) и декларируемый отказ от роли субъекта у дескриптивистов на деле означает неосознаваемое, но неизбежное обращение к этой роли при отсутствии явного признания этого факта в теоретических рассуждениях. Дескриптивисты, следуя бихевиористскому взгляду на интроспекцию, игнорировали многие из тех обращений к интроспекции, которые являются таковыми при ее широком понимании.

Само по себе выделение роли лингвиста как более компетентного носителя языка, часто явно или неявно признаваемое лингвистами, свидетельствует о том, что предпочтение все же отдается тренированной интроспекции. Однако это редко оговаривается явно. Конечно, имеется в виду специфическая, лингвистическая, тренировка интроспекции, отличная от вариантов тренировки интроспекции в психологии (представленных, например, у В. Вундта, О. Кюльпе, Э. Титченера, К. Штумпфа). Примером специального обсуждения тренированной интроспекции в лингвистике являются работы Анны Вежибцкой.

Отталкиваясь от идей Рене Декарта и Готфрида фон Лейбница об «интуитивной ясности» и «самоочевидности» для человеческого сознания определенных смыслов и частей смыслов, она разрабатывает свой собственный метод, используемый ею при выявлении семантических примитивов: атомарных элементов смысла, обнаруживаемых путем сравнения содержаний, проявляющихся в разных контекстах [Вежицкая 1993].

Заключение

Интроекция является основой знания языка, содержится в любой лингвистической теории. Фактически, так или иначе, интроекцию использует каждый лингвист. Поэтому представительное рассмотрение обращений к интроекции на всем протяжении развития лингвистики было бы равносильно написанию истории этой дисциплины, что, конечно, не соразмерно объему статьи. Были приведены только примеры идей, теорий, методов, иллюстрирующие варианты использования интроекции, выделенные в разделе 1.

Интроективная теория, как и ее антипод — бихевиоризм, — может быть радикальной и умеренной. Радикально интроективная теория языка, как показывает практика, не доходит до той стадии, на которой можно ставить и решать какие-либо прикладные задачи. Радикально анти-интроективная (бихевиористская) теория языка неизбежно противоречива. Иначе говоря, интроекция в лингвистике неустраима, но продуктивная интроекция — это всегда ограниченная интроекция.

Интроекция — это один из инструментов владения языком и связной речью. Исследование ее в таком качестве, дальнейшее развитие типологизации обращений к ней, начатое Л. Талми, изучение ее функций в языке и коммуникации, необходимы отнюдь не только для развития методологии лингвистики. По сути, исследование интроекции означает лингвистический анализ одной из важнейших составляющих языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 1999 — Алпатов В. М. История лингвистических учений. Учебное пособие. М.: Языки русской культуры, 1999. [Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Uchebnoe posobie* [History of linguistic theories. A teaching guide]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999.]
- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. [Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy: V 2 t. T. II: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works: In 2 vol. Vol. II: Integrated description of language and systematic lexicography]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1995.]
- Вежицкая 1993 — Вежицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // THESIS. 1993. Вып. 3: Мир человека. С. 185—206. [Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. *THESIS*. 1993. No. 3: *Mir cheloveka*. Pp. 185—206.]
- Верлинский 2006 — Верлинский А. Л. Античные учения о возникновении языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. [Verlinskii A. L. *Antichnye ucheniya o vozniknovenii yazyka* [Antique theories of the origins of language]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2006.]
- Витгенштейн 2003 — Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 220—548. [Wittgenstein L. *Philosophical studies. Yazyki kak obraz mira*. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003. Pp. 220—548.]
- Вундт 2002 — Вундт В. Психология народов. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. [Wundt W. *Psikhologiya narodov* [Social psychology]. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2002.]
- Вундт 1912 — Вундт В. Введение в психологию. М.: Книгоиздательство «КОСМОС», 1912. [Wundt W. *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to psychology]. Moscow: KOSMOS, 1912.]
- Гиппенрейтер 1988 — Гиппенрейтер Ю. Б. Метод интроекции и проблема самонаблюдения // Введение в общую психологию. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 34—47. [Gippenreiter Yu. B. Introspective method and the problem of self-observation. *Vvedenie v obshchuyu psikhologiyu*. Moscow: Moscow State Univ., 1988. Pp. 34—47.]

- Десницкая, Кацнельсон 1980 — Десницкая А. В., Кацнельсон С. Д. (ред.) История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. [Desnitskaya A. V., Katsnel'son S. D. (eds). *Istoriya lingvistsicheskikh uchenii. Drevnii mir* [History of linguistic theories. Ancient world]. Leningrad: Nauka, 1980.]
- Кибрик 2003 — Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Дис. ... докт. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2003. [Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive*. Dokt. diss. [Discourse analysis in cognitive perspective. Doct. diss.]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2003.]
- Коллингвуд 1999 — Коллингвуд Р. Дж. Принципы искусства. М.: Языки русской культуры, 1999. [Collingwood R. G. *Printsipy iskusstva* [The principles of art]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999.]
- Кронгауз 2001 — Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001. [Krongauz M. A. *Semantika: Uchebnik dlya vuzov* [Semantics: A manual for universities and colleges]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Кубрякова 1997 — Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 3. С. 22—31. [Kubryakova E. S. The language of space and the space of language. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*. 1997. Vol. 56. No. 3. Pp. 22—31.]
- де Мауро 2000 — де Мауро Т. Введение в семантику. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. [Mauro T. de. *Vvedenie v semantiku* [Introduction to semantics]. Moscow: Dom Intellekturnoi Knigi, 2000.]
- Пауль 1964 — Пауль Г. Принципы истории языка (Извлечения) // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 199—217. [Paul H. Principles of the history of language (Extracts). Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX—XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Part. 1. Moscow: Prosveshchenie, 1964. Pp. 199—217.]
- Пешковский 1965 — Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 288—299. [Peshkovskii A. M. Objective and normative view of language. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX—XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Part. 2. Moscow: Prosveshchenie, 1965. Pp. 288—299.]
- Потебня 1922 — Потебня А. А. Мысль и язык. 4-е изд. Одесса, 1922. [Potebnya A. A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. 4th ed. Odessa, 1922.]
- Рахилина 1998 — Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Русские словари, 1998. С. 274—322. [Rakhilina E. V. Cognitive semantics: history, people, ideas, results. *Semiotika i informatika*. No. 36. Moscow: Russkie Slovari, 1998. Pp. 274—322.]
- Степанов 1990 — Степанов Ю. С. Метод // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 298—299. [Stepanov Yu. S. Method. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. Pp. 298—299.]
- Теньер 1988 — Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. [Tesièrè L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Basics of structural syntax]. Moscow: Progress, 1988.]
- Тимофеева 2010 — Тимофеева М. К. Интроспекция как предмет и как метод лингвистики // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 2: Филология. С. 3—12. [Timofeeva M. K. Introspection as subject matter and a method of linguistics. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2010. Vol. 9. No. 2: *Filologiya*. Pp. 3—12.]
- Фосслер 2007 — Фосслер К. Эстетический идеализм: Избранные работы по языкознанию. М.: ЛКИ, 2007. [Fossler K. *Esteticheskii idealizm: Izbrannye raboty po yazykoznaniyu* [Aesthetic idealism: Selected works on linguistics]. Moscow: LKI, 2007.]
- Фрумкина 1990 — Фрумкина Р. М. Экспериментальные методы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 590—591. [Frumkina R. M. Experimental methods. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. Pp. 590—591.]
- Чикобава 1959 — Чикобава А. С. Проблема языка как предмет языкознания. На материале зарубежного языкознания. М.: Учпедгиз, 1959. [Chikobava A. S. *Problema yazyka kak predmet yazykoznaniya. Na materiale zarubezhnogo yazykoznaniya* [The problem of language as a subject matter of linguistics. Focused on foreign linguistics]. Moscow: Uchpedgiz, 1959.]
- Щерба 1974 — Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24—39. [Shcherba L. V. About the threefold aspect of linguistic phenomena and experiment in linguistics. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Leningrad: Nauka, 1974. Pp. 24—39.]

- Яковлева 1994 — Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. [Yakovleva E. S. *Fragmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian linguistic worldview (models of space, time and perception)]. Moscow: Gnozis, 1994.]
- Dehaene 2013 — Dehaene S. The brain mechanisms of conscious access and introspection. *Neurosciences and the human person: New perspectives on human activities*. Battro A., Dehaene S., Singer W. (eds). Pontifical Academy of Sciences. Scripta Varia 121. Vatican City, 2013. Available at: <http://www.casin-apioiv.va/content/accademia/en/publications/scriptavaria/neurosciences.html>
- Diuk et al. 2012 — Diuk C. G., Slezak D. F., Raskovsky I., Sigman M., Cecchi G. A. A quantitative philology of introspection. *Frontiers in integrative neuroscience*. 2012. Vol. 80. No. 6. Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3449397/>
- Fleming et al. 2010 — Fleming S. M., Weil R. S., Nagy Z., Dolan R. J., Rees G. Relating introspective accuracy to individual differences in brain structure. *Science*. 2010. Vol. 329. No. 5998. Pp. 1541—1543.
- Gibbs 2006 — Gibbs R. W. Why cognitive linguistics should care more about empirical methods? *Methods in cognitive linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 2—19.
- Raskovsky et al. 2010 — Raskovsky I., Slezak D. F., Diuk C. G., Cecchi G. A. The emergence of the modern concept of introspection: a quantitative linguistic analysis. *Proceedings of the NAACL 2010. Young investigator workshop on computational approaches to languages of the Americas*. 2010. Pp. 68—75.
- Talmy 2006 — Talmy L. Foreword. *Methods in cognitive linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. xi—xxi.
- Talmy 2007 — Talmy L. Introspection as a methodology in linguistics. Paper distributed at *10th International cognitive linguistics conference*, 2007, Kraków (Poland). Available at: <http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy/talmy.html>.
- Willems 2012 — Willems K. Intuition, introspection and observation in linguistic inquiry. *Language sciences*. 2012. Vol. 34. No. 6. Pp. 665—681.

Статья поступила в редакцию 02.04.2015.